An impressionist painting by Anna Danilova depicting two women in black. The woman on the left is looking towards the viewer, while the woman on the right is looking down. The background is filled with vibrant, textured brushstrokes in shades of blue, green, and brown. The overall style is characteristic of the Impressionist movement, with a focus on light and color over fine detail.

Анна Данилова

ДЕВУШКА В ЧЕРНОМ

Мы вернулись, найди нас в толпе...

Анна Данилова

**Девушка в черном. Мы
вернулись, найди нас в толпе...**

«Издательские решения»

Данилова А.

Девушка в черном. Мы вернулись, найди нас в толпе... /
А. Данилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832044-6

Коллекция историй о том, какими тайнами полнятся жизни реальных женщин — точных копий любимых женщин Ренуара. Загадочные женские лица, неповторимые судьбы...

ISBN 978-5-44-832044-6

© Данилова А.
© Издательские решения

Содержание

Портрет Жанны Самари	6
Обнаженная мадемуазель Анна	11
Девушки в черном	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Девушка в черном
Мы вернулись, найди нас в толпе...
Анна Данилова

© Анна Данилова, 2016

© Огюст Ренуар, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4483-2044-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Портрет Жанны Самари

Я не знаю, что двигало мною тогда, в тот субботний день – английский ли сплин или русская хандра – но, устав от серости окружающего мира, от серых улиц, деревьев и домов,

я вышел из своей квартиры, остановил такси и велел отвезти себя в аэропорт. Так, к вечеру того же дня я оказался в Петербурге.

Но там оказалось еще хуже: сыро, холодно и ветрено. Я поднял воротник длинного кашемирового пальто, надвинул на лоб драповый берет и, обмотав шею два раза шарфом, дал поглотить себя балтийской непогоде. Я шагал по Невскому, разглядывая прозрачные, освещенные изнутри витрины магазинов и кафе, считал от нечего делать расплывчатые от густого тумана желтые, розовые и оранжевые пятна светящихся окон, размышлял о людях, чьи фигурки двигались за задернутыми шторами, и недоумевал: к чему такая суета? К чему эти движения и пустая трата сил, когда и завтра, и послезавтра наступит очередной черный день со своими будничными заботами, подтверждающими тоскливую обыденность нашего убогого существования?

И тут я увидел розовое кружево. Длинный шлейф, состоящий из шелковых и кружевных оборок, выглядывающий из-под черного плаща, волочился по грязи, разбухая и напитываясь ею, превращаясь на глазах в безобразный мокрый хвост. Впереди меня быстрыми мелкими шажками почти бегом бежала женщина. Слева, под обнаженным, посиневшим от холода локотком, выглядывающим из прорези плаща, болталась, напоминая мокрую крупную чернослиvinу, лакированная сумочка. Женщина свернула в переулок – я за ней, она нырнула в черную высокую арку, зажатую между высокими серыми домами, а я – следом. В конце арки оранжево светилась вертикальная щель; как оказалось, там была дверь, за которой и исчезла женщина. Я шагнул следом, машинально притворив за собой странную дверь, и зажмурил глаза. Ощущение того, что меня погрузили в аквариум я горячей вишневой наливкой, испугало меня: ведь я так давно не замечал вокруг себя жизнеутверждающих красок! Я заставил себя открыть глаза, и они тут же наполнились слезами: так нестерпим был свет. Резь вскоре прошла, мои глаза стали привыкать, и я осмотрелся.

Я стоял на солнечной стороне улицы незнакомого мне города, по обеим сторонам от нее стояли высокие оштукатуренные кремовым и белым дома, откуда-то доносились звуки аккордеона, слышался французский говор проходящих мимо барышень в шелковых платьях и соломенных шляпках, убранных свежими розами. Пахло горячим тестом и апельсинами.

Солнце начало припекать мне спину, и я почувствовал, как от моей одежды поднимается пар. Я тут же с благодарностью вспомнил свою матушку, обучившей меня французскому языку, потому что до меня вдруг стал доходить смысл услышанного: «Да он просто ненормальный, посмотри, как он одет!» «Может, он болен?» «Нет, его просто кто-то облил кипятком, видишь, от него поднимается пар?»

Я посмотрел себе под ноги: след мокрого грязного шлейфа незнакомки так и манил меня за собой. Так я, не отрывая взгляда от подсыхающих на глазах темных пятен, прошел квартал – след оборвался. Я стоял возле крыльца роскошного особняка. Массивная, красного дерева дверь была чуть приоткрыта. Пока я раздумывал, войти или нет, вдруг выглянула женская голова в рыжих, вспыхнувших на солнце кудрях, блеснули ультрамарином огромные смешливые глаза, и ярко-красный рот подарил мне ослепительную улыбку.

– Ну же! Заходите! – и голова исчезла. Я повиновался и зашел в дом.

Там царила роскошь. Все полы были устланы толстыми коврами, двери обшиты деревянными панелями, повсюду стояли напольные вазы, наполненные цветами.

– Подождите минуточку, я только отдам Мадлен свое платье, вы же видели, что с ним стало... – услышал я откуда-то издали голос прекрасной шатенки и замер, рассматривая, как в музее, инкрустацию на маленьком картонном столике.

Наконец появилась она. В зеленом шелковом пеньюаре. Щеки ее, были бледны, а тело словно трясло в лихорадке.

– Знаете, я ужасно замерзла там, в Питере, да и вы тоже, как я погляжу... Пойдемте ко мне в комнату, сейчас мы согреемся и перекусим. Мадлен, поторопись! – крикнула она куда-то в сторону. – Идемте же, – она взяла меня за руку и потащила за собой. в конце длинного коридора была открыта еще одна дверь.

– Как вас зовут? – спросил я, снимая с себя пальто и стягивая с трудом намертво облепивший мой лоб берет. Я понял, что меня привели в ванную комнату.

– Жанна. А вас?

– Серж.

– Вот что, Серж, давайте без церемоний, у нас не так много времени. Раздевайтесь и ныряйте в ванну, Мадлен специально для вас сыпанула туда пахучей соли, отогревайтесь, потом наденете вот этот халат, он совершенно новый и никому раньше не принадлежал, а чуть позже я зайду за вами. И ушла.

Спустя полчаса я уже сидел в гостиной, на диване и пил виноградное вино.

– Где я? – спросил я, начиная, наконец, понимать, что мне снится сон.

– В Париже, конечно, на улице Фрошо. Неужели вы не узнали меня? – Узнал. – Я смотрел на Жанну и видел, как напивавшись парижским жарким солнцем, льющим в распахнутые окна, и теплом, оживают ее нежные щеки и наливаются румянцем. – Вы – Жанна Самари, актриса. Вас любил весь Париж, Александр Дюма-сын, встретив вас однажды в салоне мадам Шарпантье, если мне не изменяет память, сказал: «Ну и глазищи же у вас, Жанна! Так и подмывает их выколоть!»

Жанна расхохоталась.

– А ведь вы в то самое время были, кажется, влюблены в Ренуара...

– Тс... Мадлен идет.

Вошла служанка Мадлен в голубом платье и внесла блюдо с цыпленком.

– Странное дело, я захотел есть... Я так давно не испытывал никаких желаний, что теперь, попав к вам, просто не узнаю себя...

– Все пройдет! Выпейте еще вина, попробуйте этот восхитительный сыр, а эти чудопирожки! Это же знаменитые пирожки из кондитерской Эжена Мюрера – коронное его блюдо и любимое лакомство Ренуара и Писсаро, Сислея и Моне, я уж не говорю о зануде Шанфлери и докторе Гаше.

– Жанна, расскажите мне о Ренуаре. – Он жил здесь, – вздохнув, произнесла Жанна и замолчала. Потом, сощуриив погрузневшие глаза слегка улыбнулась, вспоминая что-то. – Да, он жил совсем неподалеку от меня. Приходил работать над моими портретами, но тогда я не могла посвятить ему больше двух часов. У меня же была целая куча дел! И к портнихе нужно было на примерку, и в театр на репетицию, да и к этой... Шарпантье...

Жанна с легкостью соскользнула с диванчика и подошла к окну.

– Скажу правду, хоть мне и грустно от этого: к сожалению, Ренуар любил только свои кисти и краски. А вот мне видел лишь натурщицу. Как вы думаете, могла с этим смириться? Я, у ног которой был весь Париж?

– Но разве не ему принадлежат слова, обращенные к вам: «Что за кожа! Право, она все освещает вокруг... Настоящий солнечный луч!»

Что с того? Иногда мне казалось, что он как вампир пьет из меня мой румянец и здоровье. Он уходил, а мне становилось как-то не по себе... Ну и вскоре мне все это надоело. Я стала

пропускать сеансы. А он как раз готовился к выставке в Салоне. Переживал. Его протеже, мадам Шарпантье, чей портрет тоже должен был выставляться, все успокаивала его, говорила, что его полотна повесят в самом выгодном свете... И знаете, чем все кончилось? – Жанна вернулась к столу, оторвала крылышко цыпленка и усмехнулась:

– Мой портрет, к примеру, который он с грехом пополам закончил исключительно благодаря своей изумительной памяти и таланту, повесили «весьма странно», как сказал один мой знакомый писатель, господин Гюисманс, «на самой верхотуре одного из закутков салона, поэтому просто невозможно было составить впечатление об эффекте, которого хотел добиться художник. Может скоро, – добавил он, холсты будут развешивать прямо на потолке?!¹ [1] В рассказе использованы настоящие имена и подлинные факты из жизни Жанны Самари и Ренуара, основанные на документах и цитатах, взятых из книги Анри Перрюшо «Жизнь Ренуара»].

– А что Шарпантье? Чувствуется, что вы недолюбливали ее, почему?

– Понимаете, она слишком часто виделась с Огюстом, занималась по отношению к нему благотворительной деятельностью, унижая его тем самым... – Но почему, почему вы называете это унижение? – Впрочем, я скорее всего сама все это придумала. Мне бы быть благодарной ей за него и за себя, и за всех тех, которых она вытащила в свет... хотя бы тем, что распахнула для нас двери своего дома, а я... Хорошо, не будем об этом. Просто... – Жанна промокнула губы салфеткой, отпила немного вина и грустно так улыбнулась. – Знаете, что сказала Шарпантье, когда ее подвели к моему портрету в Салоне?

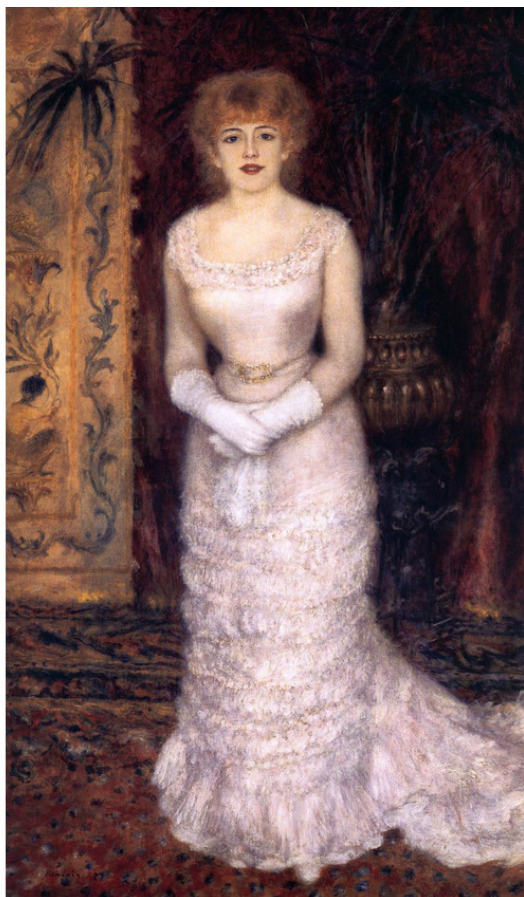
– Нет.

И тут Жанна, зажав нос пальцами, прогнусавила, подражая важной Шарпантье: «Она очень хороша, но как у нее торчат ключицы!». Она выпустила воздух, вздохнула и взмахнула руками в возмущении.

– И это у меня-то ключицы! – она резко встала с дивана, изящным движением оголила плечи и, словно приглашая меня взглянуть на себя, подставила солнечным лучам свое розовое холеное тело. После чего прикрылась пеньюаром и волнуясь спросила:

– Ну что, ключицы?

¹ [1] В рассказе использованы настоящие имена и подлинные факты из жизни Жанны Самари и Ренуара, основанные на документах и цитатах, взятых из книги Анри Перрюшо «Жизнь Ренуара»].

Я лишь развел руками в немом восхищении. А прекрасная Жанна, успокоившись, допила вино и позвала Мадлен.

– Пирожные и кофе.

Мне хотелось задать Жанне Самари, примадонне «Комедии Франсез», целую кучу вопросов, но она вдруг сама заговорила. После того, как Мадлен, водрузив на стол корзинку с пирожными и фруктами, ушла, она сказала: – L'inutile bunf'e

²[2] «L'inutile bunf'e» – бесполезная красота (фран.)]

– Почему бесполезная, и что вы имеет в виду?

– Очень просто. Я уже столько лет нахожусь в Эрмитаже, я изо всех сил улыбаюсь людям, приходящим посмотреть на меня, и почему-то не покидает ощущение, что все это обман... Ведь когда я играла на сцене, я жила несколькими жизнями, вы понимаете? Я была счастлива. Аплодисменты – ради этого живет артист. А там... там холодно, я постоянно слышу, как за окнами шумит дождь, а стоит мне поднять глаза, как я сквозь стекло вижу лишь белый густой туман. Я хочу в Париж, в свой театр. Там, если хотите знать, висит еще один мой ренуаровский портрет – так вот, там он на месте. Я понимаю, что все это, в общем, звучит глупо, но я искренна с вами, Серж. Не скрою, я изредка навещаю себя в «Комеди Франсез», разговариваю сама с собой, поправляю красный бант и причесываю непослушные кудри, пудрю нос... Но самое главное – я слышу аплодисменты. Пусть они не имеют ко мне никакого отношения, но ведь аплодируют Жанне Самари другого поколения. Нас много, французских актрис, и нам просто необходимо, чтобы нас любили. Иначе нет смысла перевоплощаться. Вы понимаете меня? – Глаза Жанны были полны слез.

² [2] «L'inutile bunf'e» – бесполезная красота (фран.)].

– Хотите, слабым голосом произнес я, отлично понимая, что мечта Жанны неосуществима, – я привезу обогреватель, в Эрмитаж, и буду чаще навещать вас?

– Что вы, что вы! – всплеснула она руками. – Там же особый климат, температура, влажность... Иначе все холсты потрескаются, испортится кожа, потускнеют волосы. Я уже думала об этом. Лучше уж холод. Ну что, Серж, вы отогрелись? Вам понравилась стряпня моей Мадлен? Кстати, нужно спросить ее, привела ли она в порядок мое платье... Ведь нам пора возвращаться...

Жанне принесли платье, она за ширмой надела его и попросила меня отремонтировать металлическую пряжку на пояске.

– Неужели мы сейчас будем возвращаться через арку? – Мне было жаль усилий Мадлен, которая привела шлейф платья в порядок, отстирав и отгладив каждую оборку, каждый волан.

– Нет, мы поступим по-другому. Идемте со мной, – она подошла к одиноко стоявшей в углу гостиной служанке, тихо утирающей слезы и поцеловала ее. – До встречи, Мадлен. – и, уже обращаясь ко мне: «Идемте, идемте...»

Она привела меня в небольшую комнату, завешанную и устланную коврами. В углу стояла большая ваза из красноватой меди с пальмовыми ветками.

Жанна внимательно осмотрела комнату, подошла к вазе и встала между ней и краем ковра. Сцепила руки, затянутые в белые перчатки, на животе и улыбнулась. —

«Прощайте, Серж», – прошептали ее губы, и тут я заметил, что они в креме от пирожного.

«Подождите», – я приблизился к ней и, слизнув крем с ее губ,

не выдержал и поцеловал Жанну. И мне показалось, что я поцеловал уже холст. Я опоздал на какое-то мгновение и прикоснулся к Жанне уже после того, как... я хотел дотронуться до руки Жанны, но ощутил лишь шероховатую поверхность полотна. Я повернулся к окну и обнаружил, что наступили сумерки. А вскоре до меня донесся шум дождя. Неожиданно в комнате появилась женщина в синем костюме с белым воротником. Она протянула мне руку и помогла перешагнуть через массивный позолоченный барьер, который, как впоследствии оказалось, был рамой картины.

– Вам записка, – заговорщически шепнула она мне на чистом русском языке. Я взял из ее рук голубой маленький конверт, вскрыл его, и оттуда показался узкий листик шелковистой бумаги. Там было всего несколько слов: «Милый Серж. Простите, что я так неожиданно покинула вас, ничего толком не объяснив. Я всюду опаздываю, такой уж у меня характер. Елизавета Петровна покажет Вам, где Ваша одежда. Навещайте меня почаще. Будете в Париже, приходите на улицу Фрошо запросто или в „Комеди Франсез“. Надеюсь, что наше знакомство продолжится. Целую Вас, Ваша Жанна Самари.»

Женщина в синем костюме провела меня в гардероб, где лежал большой бумажный пакет. В нем я нашел свою одежду, и тут только до меня дошло, что я нахожусь в Эрмитаже, что я стою в шелковом халате и вышитых домашних туфлях, а передо мной служительница, и ничего, кроме великого понимания я не могу прочесть в ее взгляде.

Среди стопки еще теплой – от уюта Мадлен – одежды лежала маленькая картонная коробка с пирожными.

– А это, наверное, вам, – сказал я, вспоминая вкус миндального крема и аромат губ Жанны Самари.

– Да, я знаю, Жанна частенько балует меня... Ну что ж, я пойду, а вы, когда оденетесь, позовите меня и я проведу вас к выходу...

Обнаженная мадемуазель Анна

Эту женщину я заметил в кафе, за стойкой. Она была очень занята, подавала кофе с ромовыми бабами, взвешивала мятную карамель, отсчитывала сдачу. Мне было безумно сложно изъять ее из этого замкнутого мирка, пропитанного ароматами кофе и теплого теста, взять за руку и повести за собой в дождь, в ночь, в неизвестность. Я ничего не знал о ней, но предчувствие, что очень скоро эта женщина, совершенно обнаженная предстанет перед моим искусственным взглядом, переполняло меня и делало счастливым. Я набил ромовыми бабами пакет, рассовал по карманам лимоны и крохотные коробки с зеленым чаем. Было самое время что-то сказать, и я пробормотал:

– Знаете, я зашел сюда по поручению одного моего старинного приятеля. Он ждет вас сегодня в девять часов возле главпочтамта. Вы знаете, о ком идет речь... – И я вышел из кафе.

А в девять часов, когда город практически опустел, когда мирные обыватели, забившиеся в свои теплые квартирки, млели от уютного чувства, что они в тепле, к серому, тонущему в черной сети дождя зданию главпочтамта подошла высокая полная женщина в желтом плаще и белой шелковой косынке. Щеки ее, несмотря на унылое голубоватое освещение одинокого фонаря, горели теплым малиновым светом, словно угольки, глаза блестели.

– Это вы? – Она разочарованно осмотрела меня с головы до ног. Я видел, как погрустнели ее влажные добрые глаза.

– Вы можете уйти сейчас же, – поспешил я успокоить ее. – А можете пойти со мной. Мне понравилось ваше лицо. Вы удивительно похожи на мадемуазель Анну.

– На какую-такую мадемуазель? – Она приоткрыла губы и выпустила, как веселую солнечную птицу, улыбку.

И мы направились в сторону потемневшего, искрящегося под рассеянным светом фонарей бульвара. Там, неподалеку стоял и мой дом. Перескакивая грациозно через лужи, моя спутница чему-то тихонько смеялась, то и дело всматриваясь мне в глаза.

– Вот тут тапочки, обувайтесь. Плащ повесьте сюда, вот так, чтоб подсох... Чай я уже заварил, между прочим, тот, что купил в вашем кафе.

– Вы что же, знали, что я соглашусь?

– Нет, но очень хотел этого.

– Понятно, – она улыбнулась, и ее ярко-красные, как яблочная кожура, щеки мягко образовали ямочки. – А чай-то дрянь, – и она откровенно рассмеялась.

Я провел ее в свою комнату, усадил в кресло и положил ей на колени альбом «Жизнь Ренуара».

– Посмотрите в самом конце репродукцию 37.

Моя гостья, полистав альбом, нашла нужную страницу и молча уставилась на изображенную там женщину.

– Похожа, правда? – Мне захотелось закричать от удовольствия. все во мне ликовало. Вечер, обещавший быть очередным серым звеном в цепочке тихих осенних дней, преисполненных одиночества и тоски, заиграл яркими бликами приятных предчувствий.

– Сначала я испугалась, – мадемуазель Анна говорила медленно, аккуратно проговаривая каждый слог, и голос у нее был какой-то ровный, будто смазанный маслом, приятный до восторга. Вся она, казалось, была сложена очень добротной, со вкусом, цветовая гамма этой пылающей здоровьем прекрасной плоти радовала мое эстетическое чувство и вызывала трепет.

Под косынкой, шелковой бабочкой теперь расцветшей на затылке, блестящие каштановые волосы. Я застонал.

– А зачем вы пригласили меня сюда? Да еще так поздно?

– Хотел показать двойника. Не знаю, как вы, а я очень и очень рад.

– Неужели это и все, что вам от меня было надо? – Она приняла из моих рук чашку чая. Она не переставала улыбаться, хотя к ее улыбке примешивалась осторожность взгляда, мягкие, словно беличьи кисти, брови были немного приподняты. Как она была хороша!

– А у вас действительно есть такой человек, ради которого вы бы пришли к почтамту в такой дождь?

– Есть, – она опустила глаза, и щеки ее еще больше покраснелись.

– И как же его зовут?

– Коля. Мы познакомились с ним в августе, на теплоходе. Он обещал позвонить и не позвонил. Он знает, что я в «Фиалке» работаю, но почему-то ни разу не зашел. Забыл меня, наверное. А я так обрадовалась, даже мужу позвонила, чтобы он дочку к матери отправил, а сам с ночевкой на дачу поехал. Стольким наврала, – она, словно извиняясь, обняла себя за плечи и вздохнула. – И все напрасно.

– Может, еще позвонит?

– Не знаю... Говорю же – забыл. А мы с ним, знаете, целовались. Я мужу-то почти не изменяю, а Колю как увидела, так что-то со мной случилось. Так крепко он меня обнял... Да что я вам все рассказываю?! Мне пора домой... – Она сделала попытку подняться, но я слегка надавил на ее плечо. – Прошу вас, не торопитесь... я потом провожу вас...

– Когда потом? – Она занервничала.

– Понимаете, я хотел бы вас сфотографировать.

– Зачем? – Ее глаза стрельнули испуганным блеском.

– У меня коллекция, – я принес из спальни альбом с фотографиями. – Смотрите, вот, к примеру, женщина, играющая на гитаре, найдите ее под номером 64. Ну как?

Анна была поражена схожестью портрета и фотопортрета.

– Это потрясающе! А где же вы взяли такое платье?

– Да это обычная простыня и кусок оранжевого шелка от портъеры. Гитара моя, вот она, висит на стене.

– Но я не могу раздеться перед вами.

– А вы передо мной и не раздевайтесь. Я выйду, а вы разденетесь, сядете вот тут, возле торшера, и, когда будете готовы, крикните меня. Все произойдет очень быстро, вы даже не успеете застесняться.

Моя гостья задумалась. Я же, пользуясь моментом, установил софиты, приготовил фотоаппарат и, подмигнув смущенной Анне, вышел из комнаты.

Я вернулся через полчаса. Очевидно, меня следует казнить за мою жестокость. Я стоял в подъезде, разглядывая пузырящиеся лужи, и думал о мадемуазель Анне. «Да чего ослепительна эта плоть. Просто хочется ее погладить», – вспомнил я Ренуара.

Поднимаясь по темной лестнице к себе, я мог только предполагать, как встретит меня моя гостья. Я тихо отворил дверь и едва слышными шагами подошел к двери, ведущей в комнату. Мадемуазель Анны я там не обнаружил и тогда устремился в спальню. Приоткрыв дверь, я замер, вглядываясь в полумрак, пока не почувствовал совсем близко присутствие в комнате женщины.

Она сидела на маленьком пуфе перед зеркалом, в темноте, она была обнажена, и когда мои глаза привыкли к темноте, я мог убедиться в том, что она по-настоящему прекрасна. Она задумалась. Ждала-ждала меня, замерзла, наверно, решила немного пройтись, забрела

в спальню и, только увидев себя в зеркале, поразилась в очередной раз своей схожести с молодой француженкой Ренуара.

– А, это вы? – очнувшись, сказала она и с готовностью поднялась с пуфа. – А я тут задумалась и забыла вас позвать.

– Вы уже не стесняетесь меня?

– Знаете, нет. Я прочитала в вашей книге, что портрет этой женщины висит в Пушкинском музее, в Москве, представляете, сколько человек рассматривают ее? А здесь вы один, почему же я должна вас стесняться? Фотографируйте поскорее, да я пойду? Мне завтра вставать рано, у нас в кафе учет.

Я жестом пригласил ее в комнату, усадил на стул.

– Как вы думаете, Коля позвонит мне?

– Конечно, – ответил я и сделал первый кадр.

– Может быть, он в командировке или заболел, – рассуждала она, – ведь может же случиться такое?

– Может, – я сделал еще один кадр.

– А вам я нравлюсь? – О, что это был за взгляд!

Я защелкал фотоаппаратом, моля Бога, чтобы получились эти волшебные кадры. Мадемуазель Анна, между тем, вдруг засобиралась, подняла ворох одежды и бросилась в спальню одеваться.

– Я вспомнила, что сегодня ко мне должна прийти Катя, она, наверное, сидит сейчас у соседки ждет меня. Как бы им не пришлось в голову обзванивать больницы, спрашивается, куда это я делась?

Она метнулась в прихожую и принялась зашнуровывать высокие кожаные боты. От нее по-прежнему пахло кофе и карамелью. Мне показалось тогда, что попытайся я лизнуть ее розовое сливочное ухо, как оно окажется сладким и душистым. Я обхватил ее сзади за плечи и прижал к себе.

– Вы действительно замужем, Анна?

– Я не Анна, но действительно замужем. – Она часто задышала. – Помните, как сказала актриса Жанна Самари: «Ренуар не создан для брака. Он сочетается со всеми женщинами, которых пишет через прикосновение своей кисти». – Она улыбнулась. – Вот так. Помогите мне, пожалуйста, надеть плащ. Спасибо. Так что не обижайтесь, но вы сочетаетесь посредством фотоаппарата.

Мы вышли из подъезда. Дождь отлакировал улицу до блеска, влажный воздух приятно остужал щеки. Я был словно пьян или возбужден, слово, мне было удивительно хорошо.

В такси она сказала мне:

– Знаете, моя подруга Катя, которая ждет меня сейчас, очень похожа на молодую женщину с птицей. Я вам приведу ее для вашей коллекции, а вы уж найдите клетку и цветок, ну и птицу, конечно... И еще, – она придвинулась ко мне, и ее мягкие круглые колени коснулись моих. – Я скажу, но только вам: я ведь с Колей не только целовалась. Это было в его каюте, его друг вышел поужинать в ресторан, и его очень долго не было... Вот и все. Кто знает, если бы этого не было, может, Коля и позвонил бы...

Она вышла, махнула рукой и скрылась в подъезде своего дома.

Я вернулся домой, допил чай и полез в кладовку – за клеткой.

Девушки в черном

– Ноябрь, а все равно как зима, – Лиза подышала на свои пальцы и подставила мужу щеку для поцелуя. – Хорошо, что я в зимнем. В Москве всегда холоднее, чем у нас.

– Больше ты мне ничего не хочешь сказать? – Муж, мужчина средних лет, довольно полный, в длинном пальто с норковым воротником и высокой же норковой шапке, приобнял Лизу и коснулся ее щеки холодными губами. – Ну же, Лиза?

– Веди себя хорошо, не забывай обедать, корми попугая и рыбок, навещай Алешу с бабушкой... Она улыбнулась и сама почувствовала, что улыбка вышла искусственной, ей все это расставание уже порядком надоело, они стояли на перроне уже битый час, у нее замерзли колени и руки, которые Сергей целовал ей все это время. «Хоть бы поскорее объявили посадку!» – Я буду скучать, – пробормотала она и отвернула лицо, словно бы от ветра.

– И я тоже буду скучать, – Сергей нежно провел рукой по ее подбородку и приподнял лицо жены. – Как приедешь, сразу дай телеграмму, хорошо? Чтобы мы тут не волновались.

– Конечно, о чем ты говоришь?!

– В прошлый раз ты тоже обещала, но почему-то не прислала.

– Ты мне не веришь? – Глаза Лизы гневно сверкнули, а щеки моментально покрылись румянцем. – Я отправляла, это почта так работает, я же не могу за нее отвечать...

– Ну хорошо, хорошо, не кипятись, просто мы ждали...

– Подумаешь, жена на курсы едет, если поезд не сойдет с рельсов, что со мной может случиться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.